

Николаева Наталья Никитична

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТ

В статье рассматриваются образы отрицательных персонажей бурятского героического эпоса - чудовищ-мангадхаев. Впервые исследованы представления о месте их обитания, локализованном в эпосе за границами освоенного человеческого пространства. Особое внимание уделяется биполярной дуальной концепции мироустройства, унаследованной архаичным эпосом от мифов. Автор приходит к выводу, что в эпосе четко определяется принадлежность мангадхаев к иному, потустороннему, хаотическому миру, которому противопоставляется упорядоченное социализированное пространство эпических героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 145-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Промежуточные результаты исследования показали, что наполнение большинства ассоциативных полей (БОГ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ), включающие лексико-семантические поля/группы слов со значением «молитва», «сострадание» и т.п. в мировоззрении религиозного и верующего человека, имеют устойчивые ассоциативные связи, проявляемые на аксиологической плоскости и вместе составляющие национально-культурную и религиозную специфику языкового сознания. Полученные нами и другими исследователями данные подтвердили, что в современном религиозном сознании (в т.ч. православном и мусульманском) сохраняются сосуществующие с религиозными ценностными представлениями, зафиксированные в виде устойчивых ассоциаций элементы традиционного мировоззрения при отсутствии элементов языческих верований и фрагментов знаний о других мировых религиях.

Список литературы

1. **Второе Послание к Коринфянам Св. апостола Павла** // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). West-Germany: Druckhaus Gummersbach; Христианское издательство, 2 Коринф. 1991. Гл. 6, 13. С. 219-228.
2. **Где следует молиться** [Электронный ресурс]. URL: http://www.vidania.ru/literatura/gde_sleduet_molitsya.html (дата обращения: 19.05.13).
3. **Горошко Е. И.** Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aid=92> (дата обращения: 06.04.13).
4. **Молитвослов: о молитве** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.way-s.ru/ezoterika/17/25.html> (дата обращения: 01.06.13).
5. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
6. **Отдельные суры Священного Корана с транскрипцией и переводом.** М.: Т. Купаев, 2007. 24 с.
7. **Фалак** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.falaq.ru/dict.php#N> (дата обращения: 25.08.13).
8. **Шанский Н. М.** Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

INTERPRETATIVE POSSIBILITIES IN THE DESCRIPTION OF THE RELIGIOUS COMPONENT OF THE WORD MEANING

Mursalimova Yuliya Ramil'evna
Ufa State Aviation Technical University
Ishmakova1@yandex.ru

Suggested material represents some of the systematic possibilities under identification and description of the religious component of the word meaning according to the results of free association experiment in the verbal form. Investigations of such type are aimed at the description of the characteristics of speaker's linguistic consciousness, the identification of specifics of various, including connotative, components of word meaning in the mechanism of identification processes.

Key words and phrases: association area; association experiment; word meaning; connotation; slot; parcels; religious component of word meaning; linguistic consciousness.

УДК 82.131

Филологические науки

В статье рассматриваются образы отрицательных персонажей бурятского героического эпоса – чудовищ-мангадхаев. Впервые исследованы представления о месте их обитания, локализованном в эпосе за границами освоенного человеческого пространства. Особое внимание уделяется биполярной дуальной концепции мироустройства, унаследованной архаичным эпосом от мифов. Автор приходит к выводу, что в эпосе четко определяется принадлежность мангадхаев к иному, потустороннему, хаотическому миру, которому противопоставляется упорядоченное социализированное пространство эпических героев.

Ключевые слова и фразы: буряты; героический эпос; улигеры; мифология; персонажи; персонажное пространство.

Николаева Наталья Никитична, к. филол. н.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирское отделение Российской академии наук
natanika80@mail.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ БУРЯТ[©]

Основными отрицательными персонажами в бурятских героических сказаниях *улигерах*, противопоставленными положительным эпическим героям, являются чудовища-*мангадхаи*. Точнее, антагонистами выступают род людей и род мангадхаев, выражается оппозиция человеческого / «своего» племени и демонического /

«чужого». Эта межплеменная борьба имеет мифологический характер и является выражением защиты мирового порядка, упорядоченного социального устройства от хаоса и разрушения, «не-порядка». Разделение мира эпических героев «уже по самой своей природе несет в себе конфликтные элементы, ибо оказывается поляризованным основной семантической оппозицией «свое – чужое», правый элемент которой реализуется как «нечеловеческое», «зооморфное», «потустороннее», «этнически чужое», «иноземное», «враждебное», «неполноценное»» [6, с. 20]. Даже в более позднем эпосе сохраняется древняя мифологическая основа, несмотря на «обрамление» ее в соответствии с новыми условиями построения эпического сюжета и новыми персонажами.

Чудовища-мангадхай бурятского эпоса (бур. *мангадхай*, *мангасхай*, *мангад ахай*, *мангад гахай*, *мангад хугшин ахай*) относятся к общемонгольской эпической и сказочной мифологии. К признакам их внешнего вида относится более или менее выраженная антропоморфность – приближенный к человеческому внешний облик, физическая сила, гигантский рост, наряду с очевидными териоморфными чертами (длинные ветвистые рога, огромная пасть, птичьи глаза и т.д.). Организация семейно-родовых отношений, особенности быта, действия и эмоции, присущие им качества и умения, умственные способности также описаны похожими на человеческие. В улигерах они нередко связаны между собой узлами близкого родства (родители и дети, братья и сестры, дядья и племянники, бабушки и тетушки), причем в их семейном укладе преобладают матриархальные черты – во главе родов чудовищ-мангадхаев стоят женщины-мангадхайки.

Териоморфность, сочетание антропоморфных и зооморфных черт (звероподобность, волосатость, наличие рогов и т.д.) может быть остаточным фрагментом тотемистических воззрений, согласно которым происхождение человека возводилось к животному-первопредку, скрыто выступающему в качестве организатора родовых отношений. Первопредок-зверь одновременного мыслился и хозяином леса (зверей). Однако постепенно человек начинает отделять себя от природы, противопоставлять себя ей, в результате наблюдается своеобразная интерпретация образа духа-хозяина леса, первоначально имевшего животный облик: «именно в силу его «артнерской» близости к человеку и морфологического сходства с ним» появляется устрашающий и негативный образ, в котором из-под вполне человеческих черт вдруг проглядывает звериное начало, или, наоборот, личина зверя как бы «накрывает» человеческие признаки [12]. Ситуация так называемого «чужого в своем» рождает представление о том, что «чужой» связан с «иным» миром и может завладеть человеческим обликом, чтобы вторгнуться в нем в человеческий мир и причинить зло.

В образах мангадхаев наблюдается смешение черт – это, с одной стороны, ущербность/недостаточность и, с другой стороны, переизбыток. В одном и том же тексте они могут описываться многоголовыми (количество голов может достигать до 600) и многоглыми и в то же время акцентированно одноглазыми либо одноголовыми, но с тысячами глаз и т.д., при этом увеличение количества чаще всего касается голов, глаз, рогов, но почти никогда тела или конечностей. Например, чудовище Гал Дүлмэ хан в одной из версий эпоса «Абай Гэсэр» имеет на спине сто тысяч глаз, на груди – сорок тысяч глаз, на макушке – звездно-белый глаз [1, с. 27]. Женщины-мангадхайки, напротив, нередко описываются одноглазыми, с одним зубом во рту, с узким лицом, напоминающим звериную морду. Подобное объединение контрастов, порождающее неопределенность форм, даже аморфность, физиологическая избыточность наряду с чертами недостаточности/неполноценности или асимметрии указывают на архаичность образов и являются свойствами существа иного, не-человека, т.е. обитателя иного мира [4].

Устойчивый признак телесной асимметрии можно найти в фольклоре многих народов мира, причем как в эпосе, так и в актуальной демонологии, и примеров можно привести множество: скандинавский одноглазый отец богов Один, греческие циклопы, ордоская половиннотелая ведьма *алмас* и тюркская *албысты*, одноглазый *муус*-людоед у калмыков [12, с. 78-79]; одноглазые *ада* и половиннотелые шаманские духи у бурят [14, с. 26-27, 30]; якутские половиннотелые чудовища-*абаасы* [7; 8] и т.д.

Асимметрия, связанная с глазами, и, шире, вообще любая аномальная черта со зрением (одноглазость, многоглазость, слепота) могут служить опять же косвенным указанием на существо необычное, отличное от людей, т.е. иномирное. Например, у мангадхаек могут быть спадающие до колен черно-красные веки, которые приходится приподнимать и удерживать с помощью кожемялок, кольев, бревен и т.д. (также распространенная черта в фольклоре многих народов) [5, с. 83, 94, 282, 403-404]. Асимметрия и слепота (пусть даже и явно не выраженная) маркируют не ущербность, а скорее неполноту, недостаточность и незавершенность форм; в отношении мифологических персонажей они являются признаком демоничности, инаковости, чужеродности. «Мифологическая слепота демона сродни его невидимости и передает <...> идею труднопреодолимого зрительного рубежа между «нашим» и «иным» мирами» [13].

Интерес вызывает мотив ослепления → поражения чудовища. Например, у чудовища Гал Дүлмэ хана в эпосе «Абай Гэсэр» множество глаз на туловище, но акцентируется звездно-белый или огненно-белый глаз (уже упоминавшееся выше объединение противоположностей – избыточного и недостаточного количества). Эпический герой стреляет именно в него, поскольку в нем находятся жизненный дух и душа врага. Лишившись глаза, чудовище падает замертво [1, с. 192-193]. Мотив пребывания души и жизненной силы в глазу звучит незавуалированно и не единичен в бурятском эпосе. Сюжет с ослеплением великана-чудовища вообще довольно распространен в мировом фольклоре и опять же может быть связан с представлением об обитателе иного мира, одновременно живом и мертвом, слепом в человеческом мире.

Характеристики иного мира отличаются от мира людского. Одними из основных признаков являются противопоставленность упорядоченного бытия и хаоса, противоположность человеческого и нечеловеческого, отрицание существующего земного порядка. Явная, бросающаяся в глаза *неправильность* – это перевернутая объективная реальность и суть манифестация иного, потустороннего мира. Это противоположный

по фазе ритм времени, нарушение естественного природного хода вещей и явлений, установленного порядка действий, аномальные нормы поведения, вызывающие отвращение черты быта, размытость форм обитателей этого мира, перетекание одного в другое, оборотничество и т.д.

Описание внешности чудовищ во многом размыто, несмотря на упоминания об огромном количестве голов, рогов и т.д. Характер боя эпического героя с многоголовым мангадхаем таков же, как с одноглазой мангадхайкой, к тому же после поражения одного чудовища на смену ему появляется другое, почти идентичное. Мангадхай садятся на коней и спешиваются с неправильной стороны, т.е. не с той, с которой было принято спешиваться у бурят; отмечается движение против солнца; вместо дня в стране мангадхаев ночь и наоборот; анти-пища – черви, чай-отрава, каннибализм, людоедство.

К «неправильному», вызывающему отторжение, кроме того, можно отнести и употребление предметов хозяйственно-бытового назначения как оружия (кожемялки, скребки для выделки кожи, топоры); использование в качестве ездовых животных, не являющихся таковыми в обыденной практике традиционного хозяйства бурят (быки, козлы); всегда подчеркиваемая грубость жилищ, обустройства быта мангадхаев. В целом, мир мангадхаев изображается резко контрастным, примитивным по сравнению с тщательно и детально выписываемым, культурно-высоким миром эпического героя-богатыря. Так, одним из наиболее показательных моментов является то, что в бурятском эпосе почти нет упоминаний об одежде мангадхаев, тогда как эпизоды с облачением богатырей в одежду детально скрупулезны, занимают по несколько сот стихов и выражаются устойчивыми и богатыми эпическими формулами. Ношение одежды социализирует человека, вводит его в культурно освоенное пространство, в то время как отсутствие ее, т.е. нагота – «признак, в целом оцениваемый в народной культуре негативно и сближаемый со значениями «чужой», «природный» и «демонический» <...> Функции обнажения основаны на понимании наготы как признака иномирности и естественного состояния, когда голый человек – уже не человек или не совсем человек» [3]. Состояния новорожденного ребенка, т.е. еще не совсем человека, пришедшего из иного мира и не потерявшего связи с ним, либо покойника, уже не человека, потерявшего связь с этим миром, во многих культурах были близки и при этом считались опасными для окружающих. Одежда имела апотропейный характер, функцию магического оберега, защищая своего владельца от негативного воздействия иного мира, и утверждала его социокультурный статус. Соответственно, отсутствующие либо до предела минимизированные описания какой-либо одежды у мангадхаев – еще один признак, определяющий иномирное существо.

Возможно, к «неправильному» образу жизни следует отнести матриархальное устройство уклада жизни мангадхаев. Сохранившиеся архаичные представления о доминировании материнского рода, безусловно, не соответствовали воззрениям позднего патриархально-родового общества, нашедшего отражение в бурятском эпосе.

Локализация чудовищ – место, где они обитают, откуда проникают на земли героя или же где происходит встреча героя с ними, в бурятском эпосе обычно находится в лесу; у подножья горы; у моря / в море / за морем; у реки; при дороге / у дороги; в пустынной мрачной местности, где люди избегают селиться, в пустынной ветреной земле; в чужой, холодной, суровой и неприветливой земле; там, где смыкается небо с землей; в северо-восточной стороне; в подземелье [1; 2; 5].

Локусы *лес/вода/гора* и в широком смысле чужие, безлюдные территории (*степь, поле*) относились к приграничным, междумирным, отделяющим иной мир от этого, представлялись некими зонами «инобытия», пространством, принадлежащим не столько человеку, сколько «иномирным» обитателям. Неосвоенное пространство, а кроме того и заброшенное (пустыри, обезлюдившие земли) осмысливалось как место проявления активности различных духов, демонов и т.д., что наблюдалось и в поверьях многих тюрко-монгольских народов [12, с. 117]. Выходя или выезжая чуть дальше пространства знакомого, маркировавшегося как *дом, своя земля*, человек попадал в совершенно иные условия и должен был вести себя соответственно «иномирным» воззрениям. В бурятских улигерах часто подчеркивается, что герой покинул родную землю, вступил на чужие земли, и именно с этого момента начинаются его дорожные встречи с потенциальными врагами, соперниками, будущими побратимами и т.д. Родная, «теплая» земля (бур. *өөриин дулаан дайда*) всегда противопоставлена чужой, «холодной» (бур. *хүүни хүйтэн дайда*), что соответствует мифологической оппозиции.

Границы знакомого, известного, *своего* мира раздвигались, вероятно, в результате миграций, расселения и освоения новых территорий, более тесных контактов с другими племенами и народами, и формировалось представление о том, что *иной* мир локализуется в каком-то определенном месте или направлении. В бурятской мифологии он находится под землей либо за краем земли, поэтому локализация чудовищ в подземелье или за краем земли, там, где смыкаются небо и земля, и откуда, что показательно, никто из ушедших не возвращался, наиболее очевидно указывает, что имеется в виду потусторонний мир.

Кроме этого, иномирье может располагаться в определенной стороне света. Поэтому мангадхай нередко обитают на *другом* или иначе – *северо-восточном* берегу моря, *северном* склоне горы, в *северо-восточной* стороне. Северная или северо-восточная часть пространства (бур. *зүүн хойто зүг*) у монгольских народов считалась неблагоприятной, плохой (бур. *муу зүг*); места погребения усопших традиционно располагались к северу от поселения [10, с. 246]. В погребальном обрядовом комплексе западных монголов, халхасцев центральных и восточных районов Монголии юрту, где умер человек, временно переносили в направлении севера или северо-востока [11, с. 142]; у бурят север или северо-восток непосредственно ассоциировался с потусторонним миром. Река Лена (бур. *Зулхэ мурэн*), протекавшая на северо-востоке от территорий проживания западно-бурятских племен, считалась «границей между «посюсторонним» и «потусторонним» мирами» [9, с. 54], за ней находилась страна холода и вечной мерзлоты. Отсюда бур. *зүүлэхэ* досл. *идти*

на восток⁴ – уйти на «тот» свет, умереть; соответственно, *зүүни тэнгэри* – злые восточные небожители, враждебные людям; *зүүни хад* – злые восточные хаты, насылающие болезни.

Горы, углубления в горах, пещеры у тюрко-монгольских народов служили местом отправления обрядов, а также местом упокоения сородичей, т.к. на вершинах гор обитали духи предков, к которым и уходил усопший. Позже на вершинах гор или высоких холмов хоронили служителей культа, которые затем почитались как хозяева местностей, покровители и защитники рода (бур. *хадын үбгэд* или *хадын эжэд* – букв. «горные старцы» или «горные хозяева»). Гора выступала некоей смычкой миров человеческого и «нечеловеческого», подобно мировому древу пронизывая три пространства – Нижний (демонический), Средний (мир людей) и Верхний (небесный). Связь с горами и камнем вообще является устойчивым признаком иного мира и всех существ, относящихся к нему [4].

Вода как стихия также ассоциировалась с неким барьером, рубежом, отделяющим мир «свой» от мира «иного», в мифологии не только тюрко-монгольских, но и многих народов мира – у древних египтян, греков, римлян, индусов, японцев, славян, индейцев Северной Америки и т.д. Поэтому в эпосе мир людей и страна чудовищ часто разделены именно водным рубежом – морем, рекой, озером. Существом низшей демонологии тюрко-монгольских народов нередко связаны с водой (обитают в воде, показываются у воды). Выход из водного пространства или переход через него символизирует вторжение выходцев из иного мира в этот. При этом, поскольку иному миру свойственно тождество противоположностей, хаотическое объединение взаимоотрицающих свойств и качеств, граница может оказаться центром и наоборот. Гора, место обитания духов, демонических чудовищ – одновременно и вход в иной мир, так же, как и вода (озеро, река, море).

Таким образом, в бурятском эпосе достаточно четко определяется принадлежность мангадхаев к иному, потустороннему миру, всячески подчеркивается, что враг-чудовище не принадлежит миру людей, он инаков, чужд, и вторжение его в упорядоченное социализированное пространство несет хаос и смерть. И кроме этого, сохраняется идея взаимопроникновения «этого» и «иного» миров, «двойной» природы мироустройства и всех населяющих его живых существ, унаследованная древним эпосом от мифов.

Список литературы

1. **Абай Гэсэр** / вступит. ст., подг. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 314 с.
2. **Абай Гэсэр-хубун**: эпопея (эхирит-булагатский вариант) / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961. Ч. 1. 230 с.
3. **Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л.** Нагота и ее функции в ритуалах [Электронный ресурс] // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 355-359. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Nagota.php (дата обращения: 11.02.2014).
4. **Баркова А. Л.** Четыре поколения эпических героев [Электронный ресурс]. URL: <http://mith.ru/alb/epic/four1.htm> (дата обращения: 11.02.2014).
5. **Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
6. **Захарова А. Е.** Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
7. **Емельянов Н. В.** Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 246 с.
8. **Емельянов Н. В.** Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
9. **Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
10. **Михайлов Т. М.** Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
11. **Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А.** Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.
12. **Неклюдов С. Ю.** Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 309 с.
13. **Неклюдов С. Ю.** Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 22.10.2013).
14. **Хангалов М. Н.** Собрание сочинений в 3-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. Т. III. 312 с.

NEGATIVE CHARACTERS IN THE HEROIC EPOS OF THE BURYATS

Nikolaeva Natal'ya Nikitichna, Ph. D. in Philology
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
natanika80@mail.ru

The images of the negative characters of the heroic epos of the Buryats – monsters-mangadkhais – are discussed in the article. The ideas about the place of their habitation localized in the epos outside human mastered space are studied for the first time. Particular attention is paid to the bipolar dual conception of the world order inherited by the archaic epos from myths. The author concludes that mangadkhais⁴ belonging to other extra-mundane chaotic world opposed to the socialized ordered space of epic heroes is clearly defined in the epos.

Key words and phrases: the Buryats; heroic epos; uligers; mythology; characters; character's space.